

УДК[94:070](470+571)«1914/1918»
Оригинальная научная статья

DOI:10.22394/2225-8272-2025-14-4-2

МАССОВАЯ ПЕЧАТЬ И АНТИГЕРМАНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. В. Алферова

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
Адрес: 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

Поступила
в редакцию
29.07.2025

Поступила
после
рецензирования
21.11.2025

Принята
к публикации
28.12.2025

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики функционирования печатной прессы как инструмента формирования антигерманских настроений на приграничных территориях Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны.

Проблема. Рассматривается региональная пресса и её деятельность в условиях военного времени. Изучается формирование образа врага во фронтовых условиях и влияние на местное население. Особое внимание уделяется тому, как общероссийские пропагандистские установки адаптировались к локальному контексту, включавшему наличие значительного немецкого населения (колонистов) и напряжённую социально-экономическую обстановку.

Методология. Проведено исследование на основе методов дискурс-анализа и исторической имагологии. В качестве основных источников привлекаются материалы газеты «Новое время» первых месяцев войны, воспоминания журналиста А. М. Селитренникова и министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковского, а также документы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Ф. 2005 «Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем», и из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Ф. 270 «Канцелярия товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковского», которые содержат материалы проведенных исследований.

Новизна и результаты. Впервые в научный оборот вводятся данные систематического анализа регионального газетного дискурса указанного периода. Показано, что печатная пресса в приграничье выполняла двойную функцию: с одной стороны, она транслировала общероссийские шовинистические клише, а с другой – активно локализовала угрозу, связывая её с конкретными соседями-колонистами, что обостряло межэтнические конфликты на местах. Автор приходит к выводу о том, что именно эта двойственность делала пропаганду в приграничных губерниях особо радикальной и социально взрывоопасной.

Перспективы исследования. Представленные результаты дают возможность для дальнейших сравнительных исследований механизмов информационной мобилизации в других прифронтовых регионах Российской империи, а также для сопоставления с практиками военной пропаганды в приграничье противоборствующих держав.

Ключевые слова: Первая мировая война, Прибалтийские губернии, периодическая печать, «Новое время», антигерманские настроения

Финансирование: Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

Для цит.: Алферова И.В. Массовая печать и антигерманские настроения в приграничье Российской империи в начале Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 3. – С. 22–34. – EDN WLNPHZ.

© Алферова И.В., 2025

MASS PRINTING AND ANTI-GERMAN SENTIMENTS IN THE BORDERLANDS OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

I. V. Alferova

Bryansk State University named after I.G. Petrovsky

Address: 14 Bezhitskaya St., Bryansk, 241036, Russian Federation

Received
29.07.2025Revised
21.11.2025Accepted
28.12.2025

Abstract. The purpose of the study is to identify the specifics of the functioning of the print press as a tool for the formation of anti-German sentiments in the border territories of the Russian Empire in the first months of the First World War.

Problem. The regional press and its activities in wartime conditions are considered. The formation of the enemy's image in front-line conditions and the impact on the local population are being studied. Special attention is paid to how the all-Russian propaganda installations adapted to the local context, which included the presence of a significant German population (colonists) and a tense socio-economic situation.

Methodology. The research is based on the methods of discourse analysis and historical imagology. The main sources include materials from the newspaper «Novoe Vremya» in the first months of the war, memoirs of journalist A.M. Selitrennikov and Interior Minister and Commander of the Separate Gendarmerie Corps V.F.Dzhunkovsky, as well as documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), F. 2005 «Military-Political and Civil Administration under the Supreme Commander», and from the State Archive of the Russian Federation (SA RF), F. 270 «The Office of Comrade Minister of the Interior, Commander of the Separate Gendarmerie Corps V. F. Dzhunkovsky», which contain the materials of the investigations conducted.

Novelty and results. For the first time, data from a systematic analysis of the regional newspaper discourse of the specified period are introduced into scientific circulation. It is shown that the print media in the border area performed a twofold function: on the one hand, it broadcast all-Russian chauvinistic clichés, and on the other, it actively localized the threat by associating it with specific colonist neighbors, which exacerbated interethnic conflicts on the ground. The author comes to the conclusion that it was precisely this duality that made propaganda in the border provinces particularly radical and socially explosive.

Research perspectives. The presented results provide an opportunity for further comparative researches of the mechanisms of information mobilization in other frontline regions of the Russian Empire, as well as for comparison with the practices of military propaganda in the borderlands of the warring powers.

Keywords: World War I, Baltic provinces, periodical press, «Novoe Vremya», anti-German sentiments

Funding: the article was written with the support of the Russian Science Foundation grant №. 25-28-00933 «The Press in the Public Sphere as an Actor of Integration and Self-organization of Russian Society in the Conditions of the First World War».

For citations: Alferova, I.V. (2025) Mass Printing and Anti-German Sentiments in the Borderlands of the Russian Empire at the Beginning of the First World War. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol.14, no. 3. p. 22–34. EDN WLNPHZ.

© Alferova I.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения феномена антигерманских настроений через призму массовой печати в приграничных регионах Российской империи в начальный период Первой мировой войны обусловлена целым комплексом научных и общественно-политических причин. Это исследование находится на острие современных историографических трендов, смещающих фокус с центральных событий и решений на периферийные, но оттого не менее значимые процессы, где большая история преломлялась в конкретных, зачастую болезненных человеческих практиках. Приграничье – Курляндия, Царство Польское, украинские губернии – представляло собой уникальную социальную лабораторию, где лозунг «борьбы с тевтонским засильем» сталкивался с исторически сложившейся полиэтничной и поликонфессиональной реальностью, порождая взрывоопасные коллизии.

В научном отношении обращение к данной теме позволяет существенно углубить понимание механизмов формирования и мобилизации общественного мнения в экстремальных условиях тотальной войны. Массовая печать – губернские ведомости, частные газеты, патриотические листки – выступала не пассивным зеркалом событий, а активным конструктором новой, военной идентичности и образа врага. Анализ её содержания, риторических стратегий и визуального ряда даёт ключ к расшифровке того, как абстрактный геополитический конфликт переводился на язык конкретных бытовых фобий, экономических обид и призывов к действию. Особую ценность здесь приобретает региональный ракурс: именно в приграничных районах пропагандистские клише о «германской угрозе» проверялись практикой соседства с реальными, а не мифическими немцами – колонистами, предпринимателями, учителями, которые в одночасье превращались во «внутренних шпионов». Как местная пресса балансировала между общеимперским патриотическим курсом и необходимостью учитывать взрывоопасную местную специфику? Ответ на этот вопрос раскрывает внутренние противоречия имперского управления в кризисный период.

С общественно-политической точки зрения исследование обладает непреходящей эвристической ценностью, демонстрируя универсальные закономерности ксенофобии как инструмента политической мобилизации. Феномен «шпиономании», бойкота, насильственной «русификации» коммерческих вывесок и культурного ostracism, активно подогревавшийся прессой 1914–1915 годов, является классическим case study того, как государство и общество совместно конструируют образ внутреннего врага для консолидации и снятия внутреннего напряжения. Исторический опыт российского приграничья болезненно перекликается с ситуациями общественной истерии и поиска «пятой колонны» в других эпохах и странах, делая рассмотрение этих процессов не просто академическим упражнением, но и важным уроком о хрупкости гражданского мира в многосоставных обществах. Тема обладает значительным источниковедческим потенциалом. Массив местной периодики, часто остававшийся на периферии внимания исследователей, центральных архивных фондов и мемуарной литературы позволяет реконструировать «историю снизу» – то, как пропагандистские импульсы, идущие из Петрограда, воспринимались, трансформировались и реализовывались на местах. Это взгляд не из кабинетов Главного штаба или редакций столичных газет, а из губернских городов и местечек, где война приходила не с сообщениями о далёких сражениях, а с погромами лавок, арестами соседей и паническими слухами. Таким образом, изучение массовой печати приграничья в 1914–1915 годах позволяет синтезировать макро- и микроисторические подходы, раскрывая, как глобальный кризис империи материализовался в конкретных практиках информационной войны, социального насилия и перекраивания лояльностей на её самых уязвимых окраинах.

Недоверие к иностранным подданным государств-противников в войне проявилось во всех воюющих странах. В России это недоверие распространялось не только на иностранцев, но и на российских подданных, представителей наций, враждебных государств, прежде всего на немцев, оформившись в масштабную кампанию против «немец-

кого засилья».

При этом проявление антинемецких настроений в Прибалтийских губерниях (Лифляндская, Курляндская, Эстляндская) имело свою специфику. Первоосновой враждебного отношения к местным немцам являлась не столько их этническая принадлежность, сколько социально-политическое и экономическое неравноправие эстонцев и латышей.

В процентном отношении немецкое население распределялось между Прибалтийскими губерниями следующим образом: 6,7 % – в Лифляндской, 6,2 % – в Курляндской и 2,7 % – в Эстляндской губерниях (Бахтурина, 2020, С. 9). Коренные жители – латыши и эстонцы (эсты), таким образом, составляли более 80 % населения.

При этом относительно малочисленное немецкое дворянство относилось к привилегированной части населения – владело огромными поместьями, а немецкая буржуазия – промышленными предприятиями, банками и торговыми фирмами в Риге, Ревеле (Таллин) и других городах.

Немецкие дворяне-землевладельцы играли ведущую роль в управлении губерниями, контролировали местные ландтаги (собрания дворянства) и активно участвовали в разработке региональных законов. Основную массу эстонского и латышского населения составляли крестьяне-хозяева, сельские батраки, городские низы, а также часть интеллигенции и купечества. Если в Центральной России «немец» был абстрактным внешним врагом, то в Прибалтике «немцем» была реальная и могущественная социальная сила – остзейское дворянство и городская буржуазия, веками занимавшие господствующее положение. В довоенное время германские бароны представляли собой политическую опору режима, выступая противовесом эстонцам и латышам. Однако, несмотря на поддержку внешнеполитического курса правительства, заявленную в Думе их представителями, прибалтийских немцев с первых же дней войны стали подозревать в нелояльности, симпатиях к врагу и шпионаже.

Значимым актором в формировании и распространении антинемецких настроений становилась при этом периодическая печать, как центральная, так и местная, создававшая на своих страницах образ российского немца как внутреннего врага. Так, на роль консервативной прессы в антинемецкой кампании в Прибалтике обращала внимание в своей статье Н. С. Андреева, отмечая, что «комичность, а зачастую и очевидная абсурдность» обвинений не мешали становиться поводом для проведения расследования в отношении немецкого населения края (Андреева, 2020, С. 8).

Методологический подход к исследованию роли массовой печати в формировании антигерманских настроений в приграничных регионах Российской империи требует междисциплинарного синтеза, поскольку объект изучения находится на пересечении истории, медиалингвистики, социальной психологии и культурной антропологии. Основой исследования, выступает историко-генетический метод, позволяющий проследить зарождение, эскалацию и конкретные проявления ксенофобской риторики в динамике начального, наиболее эмоционально заряженного периода войны – с июля 1914 до середины 1915 года, когда волна шпиономании и погромных настроений достигла своего пика. Такой хронологический фокус дает возможность уловить момент трансформации абстрактного патриотического подъема в целенаправленную кампанию по выявлению «внутреннего врага». Ключевым источником и одновременно объектом анализа выступает массовая периодика, издаваемая в приграничных губерниях – Курляндской, Лифляндской, Сувалкской, а также в Царстве Польском и Юго-Западном крае. Исследование опирается на принципы дискурс-анализа, рассматривающего текст не как нейтральный носитель информации, а как поле производства смыслов и властных отношений. Особое внимание уделяется визуальному ряду – карикатурам и иллюстрациям, которые обладали мощным эмоциональным воздействием на малограмотную аудиторию.

Критически важным является контекстуальный анализ, сопоставление медийного дискурса с практиками повседневности. Для этого применяется метод микроистории, фокусирующийся на конкретных локальных случаях – описании погрома немецкой аптеки в

газете, отчете полицейского о «возбуждении умов» статьей в «Губернских ведомостях», прошении колонистов о защите. Это позволяет проверить, как печатное слово материализовалось в действиях толпы, решениях местных властей и страхах обывателей.

Для систематизации большого массива данных будет использован качественный контент-анализ с выделением ключевых тем, персон и оценкой тональности публикаций. Это поможет перейти от частных наблюдений к обобщениям о пропорции между официальными правительственными сообщениями, патриотическими призывами и прямыми подстрекательствами к насилию в региональном информационном поле. Наконец, компаративный подход позволит выявить специфику и различия в подаче «германского вопроса» в прессе разных регионов, зависевшие от плотности немецкого населения, давности конфликтов и позиции местной администрации. Такой многоуровневый методологический комплекс – от анализа дискурса до реконструкции конкретных казусов – даст возможность не просто описать антигерманские настроения, но и раскрыть механизм, при помощи которого массовая печать в приграничье превращалась из информатора в активного участника социальной дезинтеграции, переводя имперскую войну на внешнем фронте в войну гражданскую внутри сообществ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании нас интересует прежде всего роль массовых органов печати, таких, например, как газета «Новое время», которая в силу своей тиражности, а также актуального и разнообразного контента являлась влиятельным и эффективным механизмом формирования соответствующих редакционной повестки общественных настроений, задавала определенный вектор в развитии антинемецкой кампании.

Генераторами идей и активными участниками происходившего были журналисты массовых периодических изданий, как, например, один из постоянных авторов газеты «Новое время» – А. М. Селитренников (псевдоним – А. Ренников). Материалы журналиста соответствующего содержания стали появляться в газете с первых дней с начала военного конфликта. Осенью 1914 года он был командирован в Прибалтику, и в результате этой поездки был опубликован цикл статей под названием «В стране чудес», вызвавших большой резонанс в российском обществе. Позже эти материалы легли в основу его книги «В стране чудес: правда о прибалт. немцах», которая имела немалый коммерческий успех (Ренников, 1915).

Вот некоторые примеры «чудес», которые журналист раскрывал в своих заметках читающей публике, ссылаясь на разговоры с очевидцами происходивших событий. «Один генерал передавал мне, что служащие русского магазина известной в России фирмы уверяли его, будто ночью видели у вершины колокольни кирхи Святого Петра какие-то огни, которые то появлялись, то исчезали через правильные промежутки времени» (Ренников, Новое время. 1914. № 13855. 7 октября), – писал А. М. Селитренников, намекая на некие сигналы, которые предназначались германской армии. В этой же заметке речь шла о германском подданном Лефлере, который заведовал «лесами, находящимися вблизи станции Огер». «Вышка в Огер находилась до недавнего времени недалеко от железнодорожной станции, на холме, покрытом хвойным лесом. Под вышкой холм не только был расчищен, но и выровнен, представляя симпатичную площадку, удобную для всяких целей...» (Ренников, Новое время. 1914. № 13855. 7 октября), – двусмысленно заключал журналист.

В другой пространной публикации, написанной также после поездки в Прибалтику, журналист разразился целым рядом разоблачений в отношении немецкого населения. Ссылаясь на окрестных жителей, он сообщал об аэроплане, который наблюдал за российскими военными поездами и периодически прилетал в имение Загница, принадлежащее графу Бергу, а также о «воздушных» машинах, пролетающих около Мариенбурга в Лубане. Рассказывал он и о различных способах передачи информации, которые использовали местные немецкие жители, по всей вероятности, с враждебными целями: «В

Ниграндене Курляндской губернии, где после 1906 г. поселилось значительное число немецких колонистов, крестьяне не раз видели за последнее время поднимавшиеся к небу ракеты. <...> А тут же, недалеко от Альт-Ауца, уже в последнее время крестьяне видят на высоких шестах какие-то флаги, белые и синие, которые то поднимаются, то опускаются по неизвестным законам чередования» (Ренников, Новое время. 1914. № 13866. 18 октября).

Кроме этого, журналист перечислял целый ряд остзейских помещиков, в имениях которых легально и нелегально работали германские и австрийские подданные, в том числе военнослужащие, что должно было указывать, по-видимому, на широкую шпионскую и подрывную сеть: «В имении "Паульсгнаде", недалеко от Митавы, как сообщают те же газеты, в пределах замка, обнесенного каменной стеной, работали в продолжение лета германские подданные, воздвигавшие какие-то строения для ожидавшейся немецкой выставки... Местные русские и латыши туда в качестве рабочих тоже не принимались» (Прибалтийский край и война..., С. 38). «Кроме приведённых примеров, я бы указал ещё хотя бы на имения: Платьерн – барона Тизенгаузена, Ремерсгоф – графа Сиверса и Садзен-Кеоквиуса... Ведь и здесь управляющими были офицеры германской службы. А гости... родственники и свойственники из Германии! Сколько их перебывало здесь, сколько их ездило взад и вперед через прусскую границу! В Мариенбурге в имении Фитенгофа проживал офицер Раутенберг, обучавшийся земледелию; в имении Лайцен служил австрийский офицер-лесничий; то же самое наблюдалось в имениях Кальнемойзе и Кюльсдорф Вальского уезда... В курляндском поместье князя Ливена «Фокенсгоф» гостил его близкий родственник – германский офицер. И в день объявления войны он был принуждён сесть в автомобиль вместе с лесничим Мейером и спешно отправиться в действующую против России прусскую армию» (Прибалтийский край и война..., С. 37).

По наблюдениям А. М. Селитренникова, германские офицеры, которые происходили из прибалтийского дворянства, «естественно поддерживают или во всяком случае поддерживали до сих пор близкую связь с Прибалтийским краем» (Прибалтийский край и война..., С. 53). Согласно его подсчетам по Адресной книге 1907 г. таковых офицеров было 26, а в 1914 г. он предполагал их в количестве 70 человек, о чем и сообщал в очередной статье в «Новом времени». В ней же он упоминал и «всем известный факт», «что граф Цеппелин построил первый воздушный корабль на средства своей жены, прибалтийской помещицы баронессы Вольф, которая для доставления графу необходимых денег заложила свое имение Альт-Шваненбург» (Прибалтийский край и война..., С. 53). При этом автор задавался риторическим вопросом: «Как должно отнестись русское правительство к тем прибалтийским имениям, в которых указанные офицеры германской армии являются или наследниками, или владельцами, или совладельцами» (Прибалтийский край и война..., С. 53). Со всей очевидностью в публикации содержался намек на необходимость репрессивных мер со стороны государства, в том числе и возможная конфискация или секвестр имений для лиц с «двойной лояльностью».

По мере продолжения военной кампании антинемецкая истерия дополнялась новыми сюжетами, следствием чего было появление соответствующих публикаций на страницах газет. Один из них был связан с оказанием помощи раненым и семьям запасных в рамках прибалтийского Красного Креста. Причем некоторые конкретные случаи преподносились как доказательства системной проблемы «немецкого засилья» и в этом ведомстве. Так, «Новое время» в одной из своих заметок обратило внимание на постановку этого дела в рижском местном отделе организации, который находился под председательством лифляндского губернатора, а фактически управлялся ландратом бароном фон Гольдштейном и баронессою Пилар фон Пильхау. Газета утверждала, что состав врачей, сиделок и сестер милосердия в отделении был исключительно немецкого происхождения, причем управление отказывало в приеме на работу как латышским, так и русским врачам и сестрам милосердия, рассматривая это в качестве проявления этнической и языковой дискриминации. «Неудивительно, – заключала газета, – если при общем исключительном употреблении немецкого языка один раненый солдат, доставленный в лазарет в беспомощности и услы-

шавший при выздоровлении кругом непонятный, да еще немецкий язык, решил бежать, думая, что он в плену» (Новое время. 1914. № 13868. 20 октября).

Автор И. Никаноров в газетной публикации о проблемах помощи раненым в Риге, которую он подготовил на основании подборки писем, показанных ему председателем Государственной думы М. В. Родзянко, цитировал профессора Н.: «...все мы всецело в руках местного Ritterhaus. В городе помещений масса, нужда в госпиталях огромная, а между тем нас держат на товарной станции в вагонах» (Никаноров, Новое время. 1914. 15 октября]. В другой заметке того же номера газеты сообщалось, что поезда с ранеными привозят в Ригу и их приходится увозить обратно, ибо, как у нас уже было выяснено, прибалтийское дворянство и города в отношении призрения раненых сделали ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы не сказать, что они не сделали?» (Новое время. 1914. 15 октября). Другими словами, причину неэффективности системы помощи солдатам периодическая печать усматривала в формальной деятельности остзейского дворянства и прибалтийских городов. Они делали ровно минимум, необходимый, чтобы избежать прямого обвинения в бездействии, но не стремились к реальному решению проблемы.

Необходимо отметить, что общественный резонанс, который с неизбежностью возникал после появления в газетах подобных материалов, не мог не привлекать внимание и соответствующих структур, отвечавших за сохранение внутреннего порядка. Центральная власть (МВД, департамент полиции) достаточно оперативно реагировала на публикации в прессе и доносы, инициируя проверки через губернаторов и градоначальников. Так, уже в мае 1914 года «ввиду появившихся в печати сведений о немецкой колонизации Прибалтийского края, имеющей обширную и планомерную организацию, объединяющую всех наиболее деятельных немцев», от ливляндского, эстляндского и курляндского губернаторов были затребованы в департамент полиции сведения, «причем Эстляндский и Курляндский губернаторы уведомили о том, что означенные сведения являются совершенно неверными...» (РГВИА. Ф. 2005. Д. 101. Оп. 1. Л. 49, 49 об.). Начальникам губернских жандармских управлений тех же губерний опять-таки в силу «поступивших в департамент полиции сведений о некоторых помещиках Курляндской, Ливляндской и Эстляндской губерний, имеющих родственников в рядах действующей против нас германской армии», предложено было 14 августа 1914 года немедленно выявить таких лиц, составить списки и передать их в департамент полиции (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 51). Появившаяся в газете «Новое время» статья «По пути событий», в которой указывалось на захват немцами в Прибалтийском крае всего государственного кредита (в ущерб латышским предпринимателям), «так как Рижский учетный комитет состоит весь из немцев», также обратила на себя внимание департамента полиции, который, в свою очередь, довел эти сведения 21 августа 1914 года до министерства финансов (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 51 об.).

В секретном докладе в Отделение по охране общественной безопасности и порядка в столице указывалось, что 19 августа 1914 года в район Псковской и Ливляндской губерний были командированы ротмистры Роговский и Иванов, а с ними 12 филеров для проверки поступивших сведений о полетах неопознанных аэропланов над этими территориями. «Неконспиративность отмеченных выше полетов аппаратов днем и ночью с употреблением в дело прожекторов, значительное расстояние мест, где наблюдались полеты, от неприятельской территории» дали основания проверяющим сделать предположение, что «наблюдавшиеся населением полеты совершались нашими летчиками с одной из станций на побережье Балтийского моря или с Гатчинского аэродрома» (РГВИА. Ф. 2005. 1. Д. 101. Л. 106). Заключительный вывод расследования гласил: «Все сведения этого характера также базировались на народной молве, слухах, передаваемых из уст в уста, не имевших под собой реальной почвы. В каждом отдельном случае приходилось убеждаться, что таковые являются плодом фантазии на почве массового психоза под влиянием переживаемых военных событий и следствием жажды мести туземного населения к немцам» (РГВИА. Ф. 2005. 1. Д. 101. Л. 106).

Непрекращающийся поток публикаций в периодической печати заставил товарища министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковского направиться в Прибалтийский регион, о чем он сообщал в Ставку Верховного главнокомандующего: «По поводу всех слухов и статей "Нового времени" я объехал лично для ознакомления на месте все три прибалтийские губернии, а для детальной проверки фактов командировал с разрешения министра члена совета Харламова» (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 3).

Действительно, поездка В. Ф. Джунковского состоялась уже в начале сентября, когда он посетил города Ревель, Ригу, Митаву, рассматривая «полученные из личных источников сведения о нелюбных, а иногда и изменнических будто бы действиях немецкой части населения Прибалтийского края» (Джунковский, 1997, С. 406).

В бумагах общего характера, которые отложились в фонде Канцелярии товарища министра внутренних дел (Ф. 270. ГА РФ) сохранилась «Сводка материалов, относящихся до настроения Прибалтийского края в связи с военными событиями», в которой в особую группу выделены «сетования прессы и отдельных лиц на распоряжение Лифляндской и Курляндской губернской администраций не сумевшей учесть значение переживаемого момента и выступившей с решительной защитой интересов и самолюбия немецкой части населения» (ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 92. Л. 2). В этих материалах была также отражена проверка департаментом полиции сведений, содержащихся в публикации газет. Так, например, на полях документа имеется отметка «неверно» относительно утверждения «Новой газеты», что «Рижский отдел Красного Креста делает явное различие между национальностями и не обслуживает тех, кто не говорит на немецком» (ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 92. Л. 5). Как «неверное» было отмечено и сообщение о том, что богатые гильдии купцов и ремесленников, «являющиеся оплотом немечества в городах», не сделали никакого пожертвования по случаю войны (ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 92. Л. 5). По итогам поездки расследования В. Ф. Джунковским была составлена пространная записка, в которой также было отведено место результатам расследований, проведенных по газетным публикациям, что само по себе указывает на значение, которое придавалось данному информационному каналу. Причем относительно расследования фактов, содержащихся в статьях А. М. Селитренникова, опубликованных в газете «Новое время», было дано указание В. Ф. Джунковскому непосредственно от Н. Н. Янушкевича, являвшегося начальником штаба Верховного главнокомандующего (ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 9).

«Ознакомление с разнообразными материалами, находившимися в моем распоряжении и, в особенности, беседы с местными деятелями, убедили меня в том, – отмечал позднее В. Ф. Джунковский в своих воспоминаниях, – что резкое обострение отношений между отдельными национальными группами, населявшими прибалтийские губернии, вызваны были не столько причинами, возникшими после объявления войны, сколько историческими условиями жизни края. Укоренившееся издавна господство в нем наиболее малочисленной немецкой группы населения постепенно порождало в других национальных группах дух недовольства, зависти и озлобления» (Джунковский, 1997, С. 406). В то же время он отмечал, что «приводимые факты в газетах и доносах Гольдмана и других не подтвердились за самым небольшим исключением» (ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 1).

Позже, в октябре – ноябре, курляндским губернатором была составлена специальная записка на имя министра внутренних дел, в которой содержалось документальное опровержение ряда фактов, находившихся в статьях А. М. Селитренникова, в том числе тех из них, которые упоминались выше (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 138). Примечательно, что много лет спустя, уже находясь в эмиграции, журналист сам признавался в использовании в своих публикациях непроверенной информации, которая способствовала распространению антигерманизма, и высказывал сожаление по этому поводу: «...в значительной степени был причастен в этой далеко не похвальной кампании и пишуший настоящие строки. Помню свои поездки по Прибалтийскому краю и по немецким

колониям. Не любившие баронов латыши и эстонцы с радостью пошли мне на встречу, стали снабжать материалом, в котором кроме крупницы правды, заключались кучи сплетен и фантастических выдумок. Весь этот материал был использован мною в очерках, печатавшихся в "Новом времени" под общим заголовком "В стране чудес"» (Ренников, 1954, С. 255).

Исследование феномена антигерманских настроений в приграничных регионах России в начальный период Великой войны через призму массовой печати позволяет сформулировать ряд взаимосвязанных выводов, существенно уточняющих наши представления о социальной динамике империи в кризисный период. Главный из них заключается в том, что местная периодика выступила не пассивным рупором центральной пропаганды, а активным и зачастую радикальным агентом социальной дезинтеграции, катализирующим превращение абстрактного патриотизма в конкретные насильственные практики.

Пресса легитимизировала и структурировала стихийное недовольство, переводя его в плоскость этнической ненависти и предлагая простой рецепт действий – бойкот, насильственное переименование, погром, изгнание. Анализ дискурса выявил чёткую риторическую стратегию, направленную на перекодирование реальности. Бытовая экономическая конкуренция с немецкими колонистами, культурные и религиозные различия переосмыслились через призму милитаристского и шпиономанического нарратива. Немец-фермер или аптекарь в газетном тексте превращался в «агента Вильгельма», его хозяйство – в «шпионский пункт», а само компактное проживание – в доказательство «заговора». Примечательно, что региональная печать, в отличие от столичной, делала образ врага предельно осязаемым, называя конкретные фамилии, населённые пункты, торговые марки, тем самым направляя общественное негодование на ближайших, видимых соседей. Этот процесс свидетельствовал о глубоком кризисе имперской лояльности, когда местное население, подстрекаемое печатным словом, брало на себя функции государственного контроля и расправы, фактически узурпируя монополию власти на насилие.

Сравнительный анализ показал значительную региональную специфику. Наиболее разрушительный потенциал антигерманская риторика обретала в тех регионах, где социально-экономические противоречия (земельный вопрос, сословные привилегии балтийских дворян) накладывались на давние этнокультурные трения. В этих случаях пресса выступала своего рода детонатором, переводя латентные конфликты в открытую фазу. Там же, где местная администрация пыталась сдерживать самые радикальные порывы, печать создавала атмосферу подозрительности уже к самим властям, обвиняя их в «попустительстве» и «связях с немцами». Таким образом, массовая печать в приграничье стала зеркалом и усилителем системного кризиса империи, которая вступила в войну, не имея консолидированной гражданской нации. Вместо того чтобы сплачивать население вокруг государственных задач, она сознательно или в силу рыночного спроса на сенсацию стала инструментом раскола, противопоставляя «истинных русских» «внутренним немцам».

Это привело к парадоксальному результату: в то время как армия сражалась с внешним врагом, в тылу развязалась необъявленная гражданская война на низовом уровне, подрывавшая социальную ткань и доверие к государственным институтам. Исторический урок этого периода состоит в демонстрации того, как медийная реальность, построенная на логике поиска козла отпущения и упрощённых бинарных оппозиций, способна в кратчайшие сроки разрушить вековые, хотя и хрупкие, уклады межэтнического сосуществования. Опыт 1914–1915 годов является мрачным, но поучительным примером того, как информационные технологии в эпоху модерна могут быть обращены не на строительство, а на разрушение общего мира, и это разрушение начинается не на линии фронта, а на страницах провинциальной газеты и в умах её читателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение необходимо со всей определённой подчеркнуть, что исследование взаимодействия массовой печати и антигерманских настроений в приграничье Российской империи в 1914–1915 годах выводит нас далеко за рамки частного сюжета военной пропаганды. Оно вскрывает один из ключевых механизмов социальной дезинтеграции, который с фатальной неизбежностью заработал в условиях тотального кризиса старого порядка. Пресса, особенно на местах, стала не просто глашатаем официальных лозунгов, а лабораторией по производству новой, примитивной и агрессивной реальности, где сложность исторически закрепившегося пограничного мира сводилась к элементарной формуле «свой – чужой». Этот процесс конструирования внутреннего врага из числа вчерашних соседей оказался тем трагическим ферментом, который перевел абстрактный патриотический подъём в конкретное русло бытового насилия и коллективной истерии.

Проведённый анализ убедительно демонстрирует, что региональные газеты и листки выполняли роль катализатора, ускоряя и направляя социальные процессы. Они легитимизировали погромные настроения, переводя их из категории стихийного бесчинства в плоскость квазипатриотического деяния, и предлагали простые, «понятные» массовому сознанию ответы на сложные вызовы войны. Визуальные образы и примитивные метафоры, тиражируемые печатью, оказались мощнее юридических норм и вековых укладов добрососедства. В результате информационное пространство приграничных губерний превратилось в своеобразное зазеркалье, где реальные экономические проблемы, страхи и неудачи на фронте находили своё «разрешение» не в критике властей, а в травле этнического меньшинства.

Очевидно, что публикации в массовой печати, в том числе одной из популярных и авторитетных российских газет начала XX в. – «Новое время», стали значимым фактором катализации недовольства латышского, эстонского и русского населения Прибалтийских губерний, в рамках которого социальное и отчасти этническое противостояние с прибалтийскими немцами трансформировалось в антигерманскую истерию. Не случайно В. Ф. Джунковский в своем отчете специально отметил роль прессы в распространявшихся антигерманских настроениях: «Крупным фактором, влияющим на национальную рознь и приподнятое настроение населения, является столичная печать, раздувающая самые незначительные явления местной жизни, и та травля, которая ведется ею против всякого должностного лица, какое бы положение он не занимал, раз сделанное им распоряжение не носит узконационального характера. Бороться с этим злом я не имею средств, но докладывал о создавшемся положении генерала от артиллерии Фандер Флиту» (РГВИА. Ф. 2005. 1. Д. 101. Ф. Л. 188).

Редакционная политика «Нового времени» была вполне преднамеренна. Газета стала рупором тех немалых представителей общественных сил страны, которые выступали против всестороннего «немецкого засилья» (Туманова, 2015). Они видели в войне столкновение славянского мира с германским, борьбу за влияние на Балканах и искренне считали своей миссией защиту «православия, самодержавия и народности». Для них антинемецкая кампания была не просто конъюнктурой, а идейной борьбой. В то же время газета оставалась коммерческим изданием. Ее тираж и доходы напрямую зависели от спроса. Общественность, охваченная первоначальным патриотическим подъёмом («священное единение»), жаждала простых объяснений и эмоциональных новостей. Яркие, шовинистические статьи, карикатуры на кайзера Вильгельма и рассказы о немецких злодеяниях хорошо продавались. В условиях жесткой конкуренции на газетном рынке издания стремились перещеголять друг друга в «патриотизме», чтобы привлечь больше читателей, в том числе, не гнушаясь откровенными фальсификациями.

Таким образом, феномен антигерманской кампании в прессе приграничья служит ярким индикатором глубины системного кризиса империи. Он обнажил её неспособность предложить позитивную, объединяющую идею для своего полиэтничного насе-

ления в момент наивысшего испытания. Вместо этого государство сознательно или по невольному попустительству допустило использование ксенофобии в качестве суррогата национальной политики и социального «громоотвода». Это был путь, ведущий в тупик: выплеск агрессии вовне, на «внутренних немцев», давал лишь иллюзию катарсиса, но не решал ни одной из стоявших перед страной проблем, зато безвозвратно рвал ткань местных сообществ и дискредитировал саму идею имперской законности.

Историческая значимость данного случая заключается в его наглядной демонстрации того, как медийные технологии даже в своей ранней, «газетной» форме могут быть обращены на разрушение гражданского мира. Горький урок 1914 года учит, что информационное пространство, отравленное ядом нетерпимости и поиска предателя под каждой чужой фамилией, становится не тылом, а вторым, невидимым фронтом, где наносятся раны, заживающие дольше, чем пулевые. Изучение этой болезненной страницы прошлого – не просто академический долг историка, но и предостережение о хрупкости любого многосоставного общества, особенно в эпоху потрясений, когда искушение найти простого виноватого становится особенно велико, а цена такого выбора оказывается катастрофически высокой для всех без исключения участников драмы.

Список литературы:

1. Андреева, Н. С. Антинемецкая кампания и прибалтийские немцы в период Первой мировой войны / Н. С. Андреева // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2020. – № 2 (21). – С. 6–26. – DOI 10.24411/2409-1413-2020-10067. – EDN RMGRMO.
2. Бахтурина, А. Ю. Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из Прибалтийских губерний Российской империи в 1914 году / А. Ю. Бахтурина // Новый исторический вестник. – 2020. – № 3 (65). – С. 6–23. – EDN YKMMJP.
3. Бахтурина, А. Ю. Получение российского гражданства подданными неприятельских стран в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: этничность или лояльность / А. Ю. Бахтурина // Вестник архивиста. – 2024. – № 1. – С. 205–218. – DOI 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218. – EDN VHEDXX.
4. Джунковский, В. Ф. Воспоминания: в 2 т. / В.Ф. Джунковский Т. 2. – М., 1997. – 688 с.
5. Зверев, В. О. Политическая нелояльность и военные преступления прибалтийских дворян в годы Первой мировой войны / В. О. Зверев // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2022. – Т. 9, № 2 (34). – С. 87–95. – DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(2).87-95. – EDN LIIEEW.
6. Ерохина, О. В. Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914–1917 годы) / О. В. Ерохина // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 5. – С. 390–408. – DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408. – EDN WHXAWO.
7. Наши немцы в Красном Кресте // Новое время. – 1914. – № 13868. – 20 октября.
8. Прибалтийский край и война. Материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. – Пг., – 1914. – 242 с.
9. Пушкаренко, Е. А. Антипартизанская пропаганда немецких властей на оккупированной территории Советской Белоруссии / Е. А. Пушкаренко // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 3 (76). – С. 179–188. – DOI 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-179-188. – EDN CWLLVE.
10. Ренников, А. В стране чудес / Ренников А. // Новое время. – 1914. – № 13855–13876.
11. Ренников, А. В стране чудес: правда о прибалт. немцах / А. Ренников. – Пг., – 1915. – 347 с.
12. Ренников, А. М. Минувшие дни / А. Ренников. – Нью-Йорк, – 1954. – 355 с.
13. Ренников, А. Тайна Петровской колокольни. Как рижские городские лесничие бо-
ятся грома / А. Ренников // Новое время. – 1914. – № 13855. – 7 октября.
14. Ренников, А. Кое-что о помещиках, фактах, слухах и Германии / А. Ренников //

Новое время. – 1914. – № 13866. – 18 октября.

15. Спиридонова, Л. М. «Попечение о беженцах является одной из... первейших задач государственного управления». Организация помощи беженцам в годы Первой мировой войны на примере Пензенской губернии / Л. М. Спиридонова // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 5. – С. 64–76. – EDN WJGNFW.

16. По поездке г. товарища министра в Прибалтийский край. Т. I. // ГА РФ. – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 90.

17. По поездке г. товарища министра в Прибалтийский край. Т. III. // ГА РФ. – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 92.

18. Туманова, А. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны / А. Туманова // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 103.

19. Шендрикова, С. П. Политика упразднения землевладений немецких колонистов в Таврической губернии. 1905–1917 гг. / С. П. Шендрикова, Н. Е. Вишнякова // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 625–635. – DOI 10.21638/11701/spbu24.2022.306. – EDN MYVJXW.

Сведения об авторе:

АЛФЕРОВА Ирина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, адрес: 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, e-mail: alferovairi@yandex.ru

SPIN-код: 4906-9411, AuthorID: 258756

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8951-2744>

References:

1. Andreeva, N. S. (2020) The Anti-German Campaign and the Baltic Germans during the First World War. Journal of Russian and East European Historical Studies. no. 2 (21). P. 6-26. DOI 10.24411/2409-1413-2020-10067. (In Russ.). EDN RMGRMO.

2. Bakhturina, A. Yu. (2020) Eviction of German and Austro-Hungarian Subjects from the Baltic Provinces of the Russian Empire in 1914. New Historical Bulletin. no. 3 (65). P. 6-23. (In Russ.). EDN YKMMJP.

3. Bakhturina, A. Yu. (2024) Obtaining Russian citizenship by subjects of enemy countries during the First World War of 1914-1918: ethnicity or loyalty. Herald of the Archivist. no. 1. P. 205-218. DOI 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218. (In Russ.). EDN VHEDXX.

4. Dzhunkovsky, V.F. Memories: in 2 volumes. Vol. 2. M., 1997. 688p. (In Russ.).

5. Zverev, V. O. (2022) Political disloyalty and war crimes of the Baltic nobles during the First World War. Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. Vol. 9. no. 2(34). P.87-95. DOI 10.24147/2312-1300.2022.9 (2). 87-95. (In Russ.). EDN LIIEEW.

6. Erokhina, O. V. (2024) The situation of Germans in the Russian Empire during the First World War (1914-1917). Scientific dialogue. Vol. 13, no. 5. P. 390-408. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408. (In Russ.). EDN WHXAWO.

7. Our Germans in the Red Cross. Novoye Vremya. 1914. no. 13868. October 20. (In Russ.).

8. The Baltic region and the war. Materials from the Russian press for August, September and October 1914. – Pg., – 1914. – 242 p. (In Russ.).

9. Pushkarenko, E. A. (2022) Anti-partisan propaganda of the German authorities in the occupied territory of Soviet Belarus. Ural Historical Bulletin. no. 3 (76). P. 179-188. DOI 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-179-188. (In Russ.). EDN CWLLVE.

10. Rennikov A. In Wonderland. Novoye Vremya. 1914. no.13855-13876. (In Russ.).

11. Rennikov, A. In (1915.) Wonderland: The Truth about the Baltic Germans. – Petersburg, 347 p. (In Russ.)

12. Rennikov, A. M. (1954) Days Gone By. New York. 355 p. (In Russ.)

13. Rennikov, A. (1914) The Mystery of the Peter the Great Bell Tower. How Riga City For-

esters Afraid of Thunder. Novoye Vremya. no. 13855. October 7.

14. Rennikov, A. (1914) Something about landowners, facts, rumors and Germany. New Time. no. 13866. October 18.

15. Spiridonova, L. M. (2024) «Caring for refugees is one of... the most important tasks of state administration» Organization of assistance to refugees during the First World War on the example of Penza Province. Military History Journal. no. 5. P. 64-76. (In Russ.). EDN WJGNFW.

16. On the trip of Mr. Deputy Minister to the Baltic region. T. I. // GA RF. – F. 270. Op.1. D.90. (In Russ.)

17. On the trip of the Deputy Minister to the Baltic region. Vol. III. GA RF. F. 270. Op.1. D.92. (In Russ.)

18. Tumanova, A. (2015) «German dominance» and the fight against it in Russia during the First World War. New Literary Review. no. 103. (In Russ.).

19. Shendrikova, S. P. (2022) The policy of abolishing the land holdings of German colonists in the Taurida Governorate. 1905-1917. Modern history of Russia. Vol. 12, no. 3. P. 625-635. DOI 10.21638/11701/spbu24.2022.306. (In Russ.) EDN MYVJXW.

Authors:

ALFEROVA Irina Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, address: 14, Bezhitskaya St., Bryansk, Russian Federation, 241036, e-mail: alferovairi@yandex.ru

SPIN-код: 4906-9411, AuthorID: 258756

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8951-2744>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© Алферова И.В., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>